

Забудьте

Еще раз о том, что закрытие музея ГУЛАГа — это не просто «смена экспозиции»

Фото: Юрий Мартянов / Коммерсантъ

15:04, 23 февраля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В 2024 году, когда музей ГУЛАГа был вынужден приостановить свою деятельность, посетители задавались **вопросом: как быстро будут устранены недостатки «обеспечения пожарной безопасности», под предлогом которых его закрыли, или для этого все-таки потребуются кардинальные перемены в экспозиции музея? Ответ на этот риторический вопрос был получен спустя год и оказался для многих ожидаемым.**

20 февраля стало известно, что название музея и его концепт претерпели радикальные изменения. На [сайте](#) было размещено предельно краткое объявление из трех строк с минимальными признаками дизайна:

«В Москве откроется Музей Памяти. Он будет посвящен памяти жертв геноцида советского народа. Экспозиция охватит все этапы военных преступлений нацистов в годы Великой Отечественной войны».

То, что начиналось как «временная приостановка» под предлогом проведения необходимых технических работ, обернулось не ожидаемым ремонтом, а полной трансформацией истории памяти — вместо разговора о сталинских репрессиях на том же месте появляется другой музей с радикальным смещением фокуса. И теперь можно задаваться новыми риторическими вопросами — например, насколько целесообразно вытеснение памяти о сталинских репрессиях идеологическим нарративами, что не имеют отношения к сохранению настоящей истории Великой Отечественной, народное почитание жертв и героев которой в народе сильно и без Музея памяти.

Наталья Калашникова. Фото: соцсети

Новым директором назначена Наталья Калашникова. По сообщениям СМИ, у нее есть удостоверение ветерана боевых действий, а также она награждена медалями «За вклад в укрепление обороны Российской Федерации» и «Участнику специальной военной операции». Это назначение выглядит как очередная попытка отдать должность «своему» человеку, пришедшему изнутри провластной управленческой вертикали.

Изменение здесь, по сути, только одно: руководителем становится кто-то лояльный и максимально приближенный к государственным силовым и идеологическим структурам — не как музейный профессионал с собственной программой, а как исполнитель, встроенный в систему.

Ключевые решения, рамка новой экспозиции и публичная риторика, как стало теперь уже очевидно, будут задаваться «сверху» — в русле текущей политики памяти, где из публичной истории последовательно вычеркивают свидетельства о репрессиях или как минимум вытесняют их на периферию.

О кардинальном переформатировании сотрудники Музея истории ГУЛАГа узнали на утреннем собрании — об этом рассказал один из их коллег. По его словам, на встрече сразу представили нового директора и сообщили, что постоянную экспозицию полностью заменят. При новом названии — «Музей памяти» —

темы истории ГУЛАГа и политических репрессий в будущей экспозиции, как было заявлено, не предусмотрено вообще.

Отдельно прозвучал вопрос о судьбе музейных фондов: сотрудникам пообещали, что эти фонды сохранят, поскольку они входят в Музейный фонд Российской Федерации. Что касается коллектива, новый директор выразила надежду, что сотрудники поддержат создание нового музея и направят накопленный опыт работы с трагическим прошлым и семейной памятью на реализацию новой тематики.

После своего закрытия в 2024 году музей существовал в странном промежуточном состоянии: снаружи — тишина и запертые двери, внутри — попытка удержать хотя бы то, что еще можно удержать.

Анна Трапкова. Фото: Евгений Мессман / ТАСС

«Музей был закрыт для посетителей, а директором стала Анна Владимировна Трапкова, и мы все благодарны ей за поддержку и сотрудников, и самого музея, — говорит один из работников учреждения. — Мы продолжали те проекты, которые в сложившейся ситуации еще можно было вести: работал социально-волонтерский центр, Центр документации, научных сотрудников приглашали на конференции и лекции. Сохранялась некая иллюзия, что работа и жизнь музея продолжают так же, как до ноября 2024 года.

Да, мы понимали, в какой повестке живем, но каждое упоминание музея в СМИ все равно давало надежду на скорое открытие. Этот год мы прожили с ожиданием, и при этом он был психологически очень тяжелым. Сегодняшняя новость стала неожиданностью и для нас».

Дополнительным штрихом к истории с закрытием музея стало решение Кремля по Совету при Президенте РФ по развитию

гражданского общества и правам человека. 8 декабря Владимир Путин подписал указ об изменении состава совета: среди исключенных оказался бывший директор Музея истории ГУЛАГа Роман Романов, который вынужден был покинуть свой пост из-за отказа цензурировать выставку о советских репрессиях.

Создается впечатление, что разговор о механизмах террора — доносах, «врагах народа», карательной бюрократии, закрытых судах, страхе — слишком легко воспринять как зеркало современности, и те, кто принимал решение о закрытии музея, это отлично понимают.

Для власти это токсично: такие сравнения повышают чувствительность общества к сегодняшнему произволу и делают язык государственной пропаганды менее убедительным. Так что историческую оптику выгоднее переключать на сюжеты, где насилие приходит снаружи, а не исходит изнутри, где моральная линия заранее прочерчена и не требует вопросов к собственному государству.

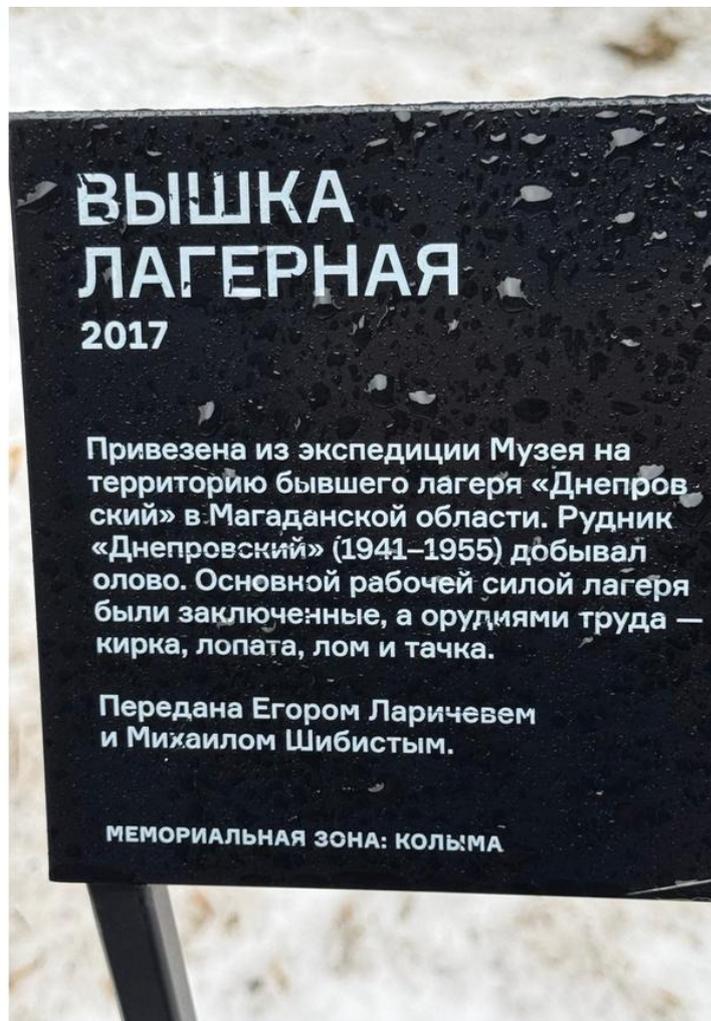

Фото: архив «Новой газеты»

ГУЛАГ — это язык государства, которое умеет производить «виновных» серийно и объяснять это нормой. Такая память делает невозможным безусловное восхищение «сильной властью», потому что рядом неизбежно встает вопрос о цене этой силы и о том, как именно она работает. Именно поэтому данную тему нельзя просто «подкрасить» — ее приходится либо выносить за скобки, либо заменять другим сюжетом, где государство автоматически оказывается на стороне добра.

Чтобы понять, почему подобный поворот укладывается в общую логику, полезно посмотреть на параллельный процесс, который описывает [«Новая газета»](#) в тексте о пересмотре реабилитаций: государство постепенно меняет не детали, а сами условия, на которых обществу разрешено говорить о репрессиях, — через закрытые процедуры и решение «сверху», где проверяемость и публичный контроль сведены к минимуму.

И особенно важен механизм «витрины»: в публичное поле выносят наиболее эмоционально заряженные случаи, чтобы у аудитории закрепилось ощущение, будто тема репрессий — в принципе сомнительная, а сочувствие жертвам сталинского террора обязательно требует оговорок и разрешений.

Если память о репрессиях переводят из языка признания и ответственности в язык подозрения, ее легче оттеснить на периферию, а затем заменить другой, «правильной» рамкой, в которой центр тяжести перенесен на боевые действия, на поиск внутреннего и внешнего врага.

Именно поэтому новость о преобразовании музея читается как часть более широкого сценария: перепрошивка памяти происходит одновременно и через институции, и через юридически-административные практики.

Чтобы понять цену этой подмены, нужно хотя бы кратко вспомнить, чем был Музей истории ГУЛАГа. Он вырос из московской инициативы начала 2000-х и постепенно стал институцией федерального масштаба: музей создавался как пространство памяти о жертвах советского террора, а его публичная роль усилилась после переезда в отдельное здание в 1-м Самотечном переулке (новая постоянная экспозиция открылась уже там). Музей работал сразу в нескольких режимах: как архив, лаборатория и образовательная площадка.

Один из самых заметных примеров — проект устной истории «Мой ГУЛАГ»: видеосвидетельства бывших узников, их детей и людей, чьи слова описывают репрессии напрямую. Это не

«истории для стенда», а живой архив, где биография звучит в первичном виде — с паузами, обмолвками и деталями, которые не помещаются в формулу по учебнику.

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

В паре с устной историей работала и цифровая «география террора» — «Карта ГУЛАГа», пополняемая база данных о лагерях и связанных с ними местах. Ее смысл был не только в справке: она ломала иллюзию «далекой Колымы», показывая систему как сеть, раскинутую по всей стране, возвращая репрессиям их реальный масштаб — пространственный, экономический, административный.

Отдельной опорой музея был Центр документации — место, куда приходили за возможностью восстановить семейную историю по архивным следам. Для многих людей это становилось единственным маршрутом от семейных обрывков воспоминаний и молчания к документам, фамилиям, датам,

официальным формулировкам. Музей умел работать с тем, что обычно недоступно городскому человеку, — с местами бывших лагерей и экспедиционными находками. Отсюда — практика поездок по лагерной географии и перенос материальных свидетельств в музейное пространство.

Музей истории ГУЛАГа выполнял вполне конкретную функцию — удерживал тему репрессий в публичном поле через свидетельства, документы, базы данных, публичные проекты, экспедиционную работу. То есть делал видимым то, что в обычной жизни обычно спрятано либо в семейном молчании, либо в архивных папках, доступ к которым постоянно усложняется. Именно поэтому его замена — это не просто «обновление экспозиции». Это смена предмета разговора.

Исчезает институт, где репрессии были центральной темой и где их нельзя было свести к случайности. А вместо этого предлагается другая рамка, в которой государству удобнее быть не источником насилия, а единственным носителем правоты и памяти.

Джюльетта Саркисян

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Справедливость с грифом «совершенно секретно»](#)

Отмена реабилитации жертв советского террора длится уже год. Недавно еще 60 граждан опять названы преступниками в Магаданской области

«Общество должно захотеть помнить»

Разговор об исторической памяти и не только с Борисом Беленкиным, сотрудником ликвидированного «Мемориала»*

13:03, 30 октября 2025, Виктория Артемьева